

Глава 2

ПОСТСОВЕТСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ

*Узнать мир можно и не отправляясь путешествовать.
Пути небес можно увидеть, не выглядывая из окна.
Чем дальше идешь, тем меньше знаешь.
Лао Цзы*

В отличие от подходов, рассмотренных в предыдущей главе, институционализм представляет сегодня одно из самых модных и популярных течений, подхваченных отечественными экономистами всех поколений. В России широкое распространение институциональные концепции характерно для постсоветского периода, поэтому мы и обозначили анализируемый подход как постсоветский институционализм. На наш взгляд, институционализм означает привнесение в экономический анализ социологических идей и подходов, хотя не всегда ссылки на эту преемственность присутствуют. В российской науке институциональная экономическая теория началась с освоения зарубежных концепций, которые были затем адаптированы и развиты отечественными учеными.

2.1. Адаптация зарубежного неoinституционализма

Начиная с середины XIX в. и вплоть до конца 1950-х годов институты в нашей стране изучались в основном правоведами и рассматривались как "совокупность норм права, охватывающих круг общественных отношений" (БСЭ, 1953. С. 219). В теории права сло-

- 31 -

во "институт" обозначает как "комплекс норм, регулирующих общественные отношения", так и учреждения и органы власти, обеспечивающие применение этих норм. Один из основателей институционализма, Морис Ориу, первые называл "институтами-вещами", вторые - "институтами-корпорациями" (Ориу, 1929. С. 113). В других отраслях советского обществоведения, в том числе и в экономике, институциональный подход долгое время был не только не популярен, но служил предметом осуждения. Показательной является характеристика зарубежных институционалистов в Большой Советской Энциклопедии 1953 г. как "наиболее злостных врагов рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии" (БСЭ. С. 239). Интерес к изучению институтов проявился в нашей стране лишь в 1960-е годы, и, прежде всего, в рамках формировавшейся в тот период советской социологии. Здесь институты рассматривались в качестве составной части предмета новой науки. Социальные институты определялись как "относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества" (Социология, 1990. С. 157). При этом акцент делался на том, что институт - не только совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, но и набор социально ориентированных стандартов поведения в типичных ситуациях. Однако, провозгласив институты основным объектом изучения, социологическая наука рассматривала их преимущественно в качестве одного из оснований для типологизации отраслей социологии на макроуровне (оперируя такими понятиями, как институт семьи, институт образования и т.п.),

сосредоточившись на анализе социальных процессов и социально-групповой общественной структуры.

В 1990-е годы институты, наконец, становятся объектом научного интереса для российских экономистов, хотя такой интерес возник не в рамках отечественной социологии, а на волне активного освоения новых теоретических концепций неинституционалистов западных стран. Этот способ освоения институциональных концепций наложил на российский институционализм свою специфику, отличающую его от зарубежного, имевшего свои традиции и историю.¹ Как известно, западные экономисты подключились к исследованию институтов в 20-30-е годы XX в. Институциональная школа в экономических исследованиях берет свое начало в американской интелле-

---

1. Как указывает А.К. Шаститко, на западе неинституционализм возник в результате неудовлетворенности результатами неоклассической теории в объяснении феномена Великой депрессии на рубеже 20-30 гг. XX в., а также многих других аспектов практической деятельности (Шаститко, 2002. С. 27).

туальной традиции, начиная с Т. Веблена. К ней также относ. Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и я (*International Encyclopedia of the Social Sciences*, 1968. Р. 462-46) В рамках институциональной экономики институты рассматривались как образцы и нормы поведения (Селигмен, 1968. С. 89-10 а также привычки мышления (Веблен, 1984. С. 104), влияющие выбор стратегий экономического поведения в дополнение к мотивации рационального экономического выбора.

В отличие от "старых" институционалистов, неинституционалисты экономической науки 1970-90-х годов - О. Уильямсон (Уильямсон, 1996; Williamson, 1986), Р. Коуз (Coase, 1937, 1960), Д. Норт (Норт, 1997а, 1997б; North, 1978) и др. - придают понятию института та более широкий смысл, рассматривая его в качестве важнейших факторов экономических взаимодействий. Так, согласно известному определению нобелевского лауреата Д. Норта, институты - "правила игры" в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах - политике, социальной сфере или экономике (Норт, 1997, С. 16). Здесь западные экономисты следуют тенденции, характерной для изучения институтов в социологии. Она состоит в следующем: если ранее институты представлялись в зависимости от подхода, как юридические установления, как непосредственно наблюдаемые формы социального поведения, социальные роли или как типы организаций, то теперь они рассматриваются как явления более общие и более высокого порядка (*The Penguin Dictionary of Sociology* 1984), а именно, как регуляторы общественных явлений. Все больше ученых осознают, что институты представляют собой наиболее существенный и малоизученный элемент общественных систем растет стремление исследователей добраться до институционального ядра современных обществ с тем, чтобы объяснить многообразие происходящих социальных процессов в разных странах, глубже осмыслить историю и рационализировать перспективы общественного развития. Как пишет Ш. Эйзенштадт, выяснение возможностей поддержания социального порядка постепенно становится фундаментальной проблемой в изучении социальных взаимодействий. Именно поэтому "малопомалу фокус социологического анализа перемещается в собственно институциональную сферу, в мое устройство человеческого общества" (Эйзенштадт, 1999. С. 19)*. Аналогично и в экономической науке западных стран - развитие схем институционального анализа в значительной мере

связывалось с осознанием ограничений ортодоксальной экономической теории и попытками преодолеть внеисторическую и механистическую трактовку экономической деятельности в классических

---

*В некоторых случаях фамилию этого автора переводят как Айзенштадт (от ред.)

- 33 -

аналитических схемах "мэйнстрима" (Ходжсон, 1997), желанием глубже понять латентные, социальные механизмы экономического развития. Движение в этом направлении демонстрирует подход к изучению институтов Дугласа Норта, противопоставившего институты как системы деперсонифицированных отношений и правил игры организациям, которые по этим правилам действуют (North, 1990).

Подытоживая краткое изложение истории институционального подхода, нельзя не сделать важного замечания: хотя идеи западного институционализма стремились выйти за пределы базовых постулатов ортодоксальной теории², вместе с тем они оставались в рамках рыночной парадигмы (Нестеренко, 1997. С. 11). Это выражается в том, что, во-первых, используется близкое мировоззрение, основу которого составляют принципы методологического индивидуализма. Во-вторых, изучаются тот же набор явлений, та же часть социальной реальности - экономическое поведение субъектов рынка, - и именно для их анализа конструируется структурно схожий понятийный аппарат. Более того, возможно, составить список объяснений, переводящих термины неoinституционалистов на язык ортодоксальных экономистов. Например, экономия транзакционных издержек реализует принцип максимизации, институты могут рассматриваться как средство достижения рыночного равновесия в условиях экстерналий (внешних эффектов) и т.д. В-третьих, институционализм, вслед за ортодоксальной теорией, рассматривает все формы человеческого взаимодействия в качестве обмена (используются термины "сделка" и "транзакция"). При этом речь идет не только об обмене материальными благами, но и о более широкой их трактовке. Условия обмена представляют собой контракт (Там же. С. 383). Как отмечает М. Блауг, "Школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки" (Блауг, 1999. С. 958). Институционалисты, по его мнению, как и представители молодой исторической школы, потерпели неудачу в создании социально нейтральной экономической теории, хотя и преследовали цель такую теорию создать. В связи с этим современный западный институционализм представляет собой последовательное продолжение "рыночного Фундаментализма", угроза которого в экономической теории осознается все более широким кругом ученых - Дж. Соросом, нобелев-

---

2. Как известно, ортодоксальная теория, или мэйнстрим, представляет собой общедисциплинарную организацию знания, которая может быть описана как концептуальная популяция, объединенная общими дисциплинарными идеалами и нормами экономического знания. К базовым ее постулатам, или основным аналитическим инструментам, относятся: модель рационального экономического человека, модель рыночного равновесия и принцип максимизации.

- 34 -

скими лауреатами Л. Клейном, Дж. Тойнби, Дж. Стиглицем и др (Ольсевич, 2004). В этом смысле справедливо утверждение Хайдбронера о том, что экономическая наука западных стран соответствует социальному порядку

капитализма, она представляет собой свод знаний и убеждений прежде всего о нем (*Heilbroner, 1989. Ch. 8*) И неоклассические, и институциональные западные теории предназначены для описания одного и того же типа экономической системы, при которой жили и живут их создатели.

Итак, американский и европейский неoinституционализм, который активно заимствуется сегодня российскими учеными, опирается, как мы увидели, на собственные присущие ему традиции, имеет историю развития своего категориального аппарата и находится в русле рыночной парадигмы. Привнесенный на российскую почву, где таких традиций не было, он адаптируется к существующим у нас условиям. Эти условия определяют специфику постсоветского институционализма в России. В чем она состоит?

Поскольку адаптация тех или иных заимствуемых положений осуществляется конкретными учеными (или группами, научными коллективами), то их научные традиции, квалификация, взгляды накладывают на этот процесс свой отпечаток. Наши наблюдения - анализ аудитории, собираемой на конференциях, семинарах и докладах по институциональной проблематике, позволяют выделить четыре фокус-группы, в наибольшей мере адаптировавшие современные неoinституциональные концепции.

Первая группа - это часть эконом-социологов, тех социологов, которые социологическими методами изучают экономические ношения. Это направление называется "экономическая социология" (*Заславская, Рывкина, 1991; Радаев, 1997*). Многих российских эконом-социологов отличает пристальное внимание к новой институциональной экономической теории и интенсивное заимствование концептуального материала. Причиной активного освоения новых категорий и понятий из экономической науки служит, как отмечают сами работающие в этом направлении исследователи, "неудовлетворенность социетальными структуралистскими подходами" (*Радаев, 2001. С. 111*), доминировавшими в советской социологии. Поэтому "творческие заимствования из смежных областей в рамках нового институционализма становятся для них инструментом обновления собственных подходов, попыткой "вливать свежую кровь" (*Там же*), позволяют по-новому взглянуть на предмет исследования и дают способ получения новых результатов. Развивая характерные для западных концепций установки методологического индивидуализма исследователи в данном случае концентрируют свое внимание на анализе хозяйственных процессов на *микроуровне*, на локальных порядках, "оставив в стороне макромоделли, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества" (*Там же*).

- 35 -

С.113). Институты при таком подходе понимаются прежде всего как правила, регулирующие практику повседневной деятельности и, одновременно, получающие импульсы для своего развития из такой практики (*Радаев, 1997, 1998; Волков, 1977*). Институты образуют "не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия" (*Радаев, 2001. С. 113*) экономических акторов.

Ориентация на методологические схемы западных институционалистов, использование разработанных ими категорий позволяет российским эконом-социологам при проведении социологических исследований сосредоточиться на изучении тех сфер и видов экономической деятельности, которые "схватываются" именно этими категориями. В первую очередь к ним относятся рыночные отношения и связанный с ними комплекс прав собственности, структур управления и правил обмена. Неслучайно логическим развитием такого подхода в российском обществоведении является (как и для западной

традиции, см. *Lie, 1997*) сведение экономической социологии к "социологии рынков": именно этому направлению посвящена вышедшая недавно монография Вад. В. Радаева с соответствующим названием (*Радаев, 2003*). Анализ социальных изменений российского общества при таком подходе фокусируется преимущественно на новых, возникающих в практике рыночных отношений, составляющих важную часть современного реформаторского процесса. Работы Вад. В. Радаева как наиболее авторитетного представителя этого направления - яркое тому свидетельство. Они посвящены изучению российского предпринимательства, малого бизнеса, ввозу контрафактной продукции, развитию торговых сетей и т.д. (ссылки на эти исследования см. там же). Воспроизводство или модификация прежних отечественных институтов, в отношении которых западная неинституциональная теория не предлагает необходимого и адекватного категориального аппарата, как правило, не включаются в исследовательские схемы.

Другую фокус-группу российских исследователей, активно адаптирующих идеи и методы западного неинституционализма, представляют экономисты-математики. Для представителей математической экономики нашей страны активный обмен с зарубежными коллегами был характерен и в прежние, советские, времена, когда для многих групп обществоведов такие контакты были затруднены. В эпоху перестройки этот обмен усилился. Одним из его результатов стало освоение и применение новых математических моделей, разрабатываемых в рамках современной институциональной теории, особенно эволюционных моделей фирмы. Интерес к применению зарубежных образцов в российских условиях (что всегда было характерной чертой инновационного поведения всех слоев населения в нашей стране - от царя Петра I до мастера Левши)

- 36 -

сопровождался интересом и к стоящим за матмоделями идеям институциональной экономики. При этом содержательная сторона - суть понятия "институт", определение специфики проявления заимствованных категорий в российских условиях и т.д. - представляется для экономистов-математиков менее важной, чем логика и стройность формальных построений. Экономисты-математики также как и эконом-социологи, напрямую переносят категориальный аппарат западных неинституционалистов на российскую почву, одновременно с соответствующими ему прикладными математическими процедурами (*Макаров, 1999*). Неслучайно поэтому, что "на стыке" этого аппарата с нашей действительностью строгие в своих выводах и построениях математики так часто фиксируют парадоксы и сбои. Это утверждение иллюстрируют, например, блестящие работы Владимира Мееровича Полтеровича об институциональных ловушках или трансплантации институтов (*Полтерович, 1999; Полтерович, 2001*). Для объяснения обнаруживаемых сбоев используются уже не столько положения заимствованной неинституциональной теории, сколько специфика российского общего контекста.

Третью фокус-группу исследователей, развивающих идеи неинституционализма в России, образуют преподаватели экономических высших учебных заведений, представители специализированных кафедр. Российский "кафедральный неинституционализм" представляет собой, прежде всего изложение его в учебных курсах (*Шаститко, 1995, 1997, 2003; Нуреев, 2001; Олейник, 2002*), а так предложение в качестве методологии для проведения конкретных экономических исследований (*Экономические субъекты постсоветской России, 2003; Публичные услуги..., 2002* и др.). Популяризация идей неинституционализма в данном случае означает

негласное принятие нашими учеными традиционной микроэкономической теории для объяснения российской реальности. Поскольку, как уже отмечалось, неонституционализм не затрагивает жесткого неоклассики, к которому относятся принципы методологического индивидуализма, экономического равновесия и максимизации полезности (*Шаститко, 2002. С. 38*). В данном случае акцент делается на обучении основам и понятиям неонституциональной теории. При этом неоправданно мало, на наш взгляд, уделяется внимание методологическим вопросам о границах ее применения в современной России. Как и в первом случае, в поле зрения таких исследований попадают прежде всего новые явления в экономической жизни современной России.

Это ограничение стремятся преодолеть представители четвертой фокус-группы, которые применяют идею неонституционализма в прикладных исследованиях российской экономики. Такой подход активно разрабатывается В.Л.Тамбовцевым (*Тамбовцев, 1996,*

- 37 -

1999 и др.). Плодотворным оказывается применение институционального подхода к анализу проблем трансформации крупнейших секторов народного хозяйства России, свидетельством чему являются известные работы новосибирского экономиста В.А. Крюкова (*Крюков, 1998, Крюков и др., 2002*) о развитии нефтегазового сектора. В этих случаях применение нового подхода позволяет получать или "методологически сопровождать" интересные результаты конкретных работ, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Для всех четырех фокус-групп, адаптирующих идеи неонституционализма в своих исследованиях, можно выделить две общие черты. Первая - методологическая. Вслед за зарубежными неонституционалистами, отечественные исследователи рассматривают институты как внешний по отношению к экономике набор правил, выполняющих для нее функцию ограничений. Институты, реализуя свои координационные функции, рассматриваются ими как условия (или препятствия) для создания взаимовыгодного обмена, как рамки экономической деятельности. Неонституционализм в данном случае не означает нового "институционального видения" устройства самой экономики. Вторая общая черта - содержательная. Применение нового подхода позволяет изучать в основном либо адаптацию новых экономических форм, либо фиксировать отклонения, парадоксы, аномалии (с точки зрения данного подхода) в хозяйственном развитии нашей страны. Зарубежный неонституционализм не представляет достаточных средств, чтобы полно и всеобъемлюще исследовать основные "несущие" институциональные структуры российского хозяйства, обеспечивающие - вопреки внутренним сложностям и внешним воздействиям - воспроизводство и развитие экономики. Спроектированные на основе положений западного неонституционализма исследовательские схемы не позволяют, на наш взгляд, в полной мере анализировать те составляющие эволюции российского общества, которые связаны с развертыванием сложившихся, исторически присущих стране социальных, в том числе - экономических, институтов.

Несомненно, что адаптация зарубежного неонституционализма во всех обозначенных преломлениях позволяет решать многие теоретические и практические проблемы, возникающие в ходе реформирования России. Но она пока не стала достаточной основой построения теории этого процесса, предусматривающей минимизацию Цены трансформации российского общества, той теории, которую, как сказал в свое время Дуглас Норт, кому, как не российским ученым, предстоит разработать (см.: *Мильнер, 1997. С. 8*).

2.2. Социологический институционализм Новосибирской экономико-социологической школы

Реализация институционального подхода в исследованиях сибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) имеет ряд специфических черт, дополняя набор аналитических схем постсоветского институционализма. Поэтому мы рассматриваем этот опыт в отдельном параграфе.

Новосибирская экономико-социологическая школа предстает собой определенную парадигму и методологию исследований, характерные для коллектива социологов, в разное время работав в отделе социальных проблем ИЭ и ОПП - Института экономики, организации промышленного производства Сибирского отдела Академии наук СССР (ныне - Российской академии наук) в новосибирском Академгородке. Сегодня признанная в России и за рубежом Новосибирская школа³ при проведении исследований "ставит главу угла целостное восприятие социальных систем и социальных процессов, выявление социальных механизмов и последствий трансформационного процесса. Причем делается это с помощью такого понятийного аппарата, который позволяет учесть специфику СОВРЕМЕННОГО состояния российского общества и понять закономерное его развития" (*Бессонова, Шабанова, 1999. С. 134*). Каковы истоки такого подхода? Они - в истории становления НЭСШ.

Новосибирская экономико-социологическая школа начала формироваться со второй половины 1960-х годов. Основатель школ академик Татьяна Ивановна Заславская, - более 20 лет возглавлявшая отдел, была главным редактором первого экономико-социологического журнала в Сибири, председателем Сибирского Отдела Советской Социологической Ассоциации (ССА), а затем и Президентом ССА. Костяк школы сначала составил из десанта талантливых ученых, приехавших в 1960-е годы из обеих столиц в образованный новосибирский Академгородок. Затем заработал и продолжает работать до сих пор - механизм собственного воспроизводства сотрудников. Коллектив пополняется выпускниками экономического, а теперь - и социологического, факультетов Новосибирского государственного университета, проходящих в ИЭ и ОП] курсовую и дипломную практику.

Характерные черты НЭСШ складывались постепенно под влиянием ряда факторов. Во-первых, изначально коллектив включая в себя преимущественно ученых с глубокой университетской подготовкой в области общественных наук - экономики или философии. Это определило и доныне свойственный школе "академизм" и фун-

---

3. На эту тему см.: Батыгин, 1996; Попков, Тюгашев, 2001; Davydova, 1997; Новосибирская социологическая школа, 2003

даментальный характер научных исследований, что является приемлемым в современном социологическом сообществе. Во-вторых, зарождение известного своими свободами Академгородка вдали как центральных, так и местных властей, предоставило исследователям возможность оставаться политически неангажированными при выборе тем и методов работы, что отличало новосибирских социологов от их коллег в столицах, находившихся под гораздо более сильным прессом и пристальным контролем партийных и советских органов. В-третьих, между учеными двух десятков академических институтов - от математических до биологических, компактно расположенных в

Академгородке, - имели место постоянные научные контакты. Это позволило новосибирским социологам использовать методы и подходы, характерные для естественных наук - от математического моделирования до экспедиционных исследований с выездом "на натуру". Широкое применение математических методов и постоянные социологические экспедиции с тех пор стали характерной чертой НЭСШ. В-четвертых, социологический коллектив постоянно трудился в рамках академического института экономического профиля, что не могло не сказываться на специфике проводимых исследований. Поэтому для школы всегда была характерна опора как на экономические методы, так и на добротную экономическую теорию. Наконец, в-пятых, расположение "в глубинке" определяло близость коллектива исследователей к происходящим в городе и на селе социально-экономическим процессам. Поэтому ориентация на постоянное взаимодействие с объектом изучения и выявление проблемных областей социально-экономической практики всегда составляли одну из характерных черт научной школы.

Совокупность названных обстоятельств в сочетании с "сибирским характером" и трудоспособностью коллектива, свободного от множества столичных соблазнов, на протяжении ряда лет определяла специфику проводимых НЭСШ исследований, какой бы области они не касались. Представители школы неоднократно выступали первопроходцами в прокладывании новых путей в методологии и методике социально-экономических исследований. Не раз за свою историю НЭСШ выступала родоначальником новых для российского обществоведения областей и объектов исследования. К таким новаторским разработкам можно отнести следующие.

С конца 1960-х годов новосибирские социологи одними из первых ввели в практику активное использование самых современных количественных методов обработки данных.⁴ С того времени и по

---

4. См. работы коллектива: Измерение и моделирование в социологии, 1969; Методы Распознавания образов и их применение в социальных исследованиях, 1969; Социология и математика: Международный сборник статей, 1970; Моделирование социальных процессов, 1970; Математика и социология, 1972, и др.

сей день НЭСШ отличает как строгость в постановке и решении: дач, так и постоянно развивающееся использование самых изощренных математических методов обработки социально-экономических данных, что обеспечивает достоверность получаемых результатов

В 1970-х годах новосибирские социологи активно разрабатывают и успешно применяют системные подходы к анализу социальных объектов. Они явились пионерами в отечественной социологии в приложении к практике этого общенаучного метода. В тот период коллективом были подготовлены фундаментальные методологические работы в этом направлении⁵. Одним из следствий применения системного подхода явились разработки в области *социально-территориальной структуры советского общества* - новой исследовательской категории российского обществоведения, получившей свое дальнейшее развитие в трудах не только социологов, но и СОЦИАльных географов, экономистов, историков. Общие контуры многолетних исследований представлены в работе *Социально-территориальная структура города и села: Опыт типологического анализа*, 1982. Далее были выполнены и опубликованы труды, специально посвященные исследованию различных уровней социально-территориальной структуры - от поселенческого до регионального (в последних мы принимали непосредственное участие).

В 1980-е годы коллектив НЭСШ привлек внимание социологов к новой категории - социальный механизм, впервые начав применять так называемый "механизменный подход" в своих исследованиях. Введенная лидерами школы Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной категория "социального механизма развития экономики" фокусировала внимание исследователей на движущих силах социальных процессов, протекающих как в экономической сфере, так и в обществе в целом⁶. Если использование системного подхода было направлено преимущественно на выявление структуры, статики, т.е. элементов и связей целостного социального объекта, то при "механизменном подходе" на первый план выдвинулась задача анализа закономерностей социальной динамики. Категория социального механизма развития экономики была положена в основу нового направления исследований коллектива - экономической социологии. Книга Т.И. Заславской и Р.В. РЫБКИНОЙ "СОЦИОЛОГИЯ экономической ЖИЗНИ: Очерки теории", изданная в 1991 г., послужила одним из первых отечественных учебников по этой дисциплине. Тем самым НЭСШ выступила основоположницей формирования экономической со-

---

5. Проблемы системного изучения деревни, 1975; Методологические проблемы системного изучения деревни, 1977; Методология и методика системного изучения советской деревни, 1980, и др.

6. См.: Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики, 1989 и др.

циологии в СССР. Развитие нового направления явилось не только теоретическим вкладом НЭСШ в совершенствование социологического знания, но и послужило актуальным ответом на вызовы реформирующегося советского общества⁷.

С середины 1990-х годов новосибирские социологи активно осваивают применение институционального подхода в социологических исследованиях. В настоящий период институциональное направление становится "центральным направлением исследований Новосибирской социологической школы" (Калугина, 1999. С. 119), что находит отражение в работах ее коллектива последних лет. Внимание уделяется институциональному устройству общества, анализу важнейших экономических институтов, деятельности социальных акторов в тех или иных институциональных рамках. Интерес к институциональной проблематике отразил переход к анализу более глубоких общественных структур, определяющих долговременную динамику развития российского общества, что логически развивает ранее присущие НЭСШ подходы. Они и определили специфический социологический институционализм Новосибирской экономико-социологической школы. Он базируется одновременно на: а) активном освоении и творческой адаптации зарубежных концепций, б) синтезе разнообразных подходов и в) конструировании на их основе новых оригинальных методологических схем анализа.

Предложение собственных исследовательских схем и концепций составляет сегодня первую характерную черту работ НЭСШ в институциональном направлении. Вторым отличием институционального подхода в работах школы является стремление сочетать исследования макро- и микроуровней. Практически во всех работах коллектива, так или иначе представлен макроуровень анализа, при котором объектом выступает общество в целом или его важнейшие подсистемы. Когда для исследований многих эконом-социологов характерен отказ от структуралистских аналитических схем, то в НЭСШ именно этот структуралистский подход получил свое развитие. Он выражается в

анализе общества как социальной системы, изучении регулирующих его развитие институциональных механизмов, исследовании специфики российского общества на основе категориального аппарата общих институциональных теорий. В отличие от распространенной позиции, что "экономическая теория - это универсальная грамматика общественной науки" (*Hirshleifer, 1985. P. 53*), социологический институционализм Новосибирской школы, наоборот, выводит законы экономики из законов общественного Целого.

Именно в таком качестве социальная институциональная теория становится адекватным инструментом анализа "экономиче-

---

7. См.: Экономическая социология и перестройка, 1989.

- 42 -

ской проекции социальных систем". Как указывает Хайлбронер "искать корни экономики в институциональных основах общее весьма разумно, поскольку порой невозможно отличить, например экономические, социальные и политические способы привнесем порядка общественной жизни" (*Хайлбронер, 1993. С. 47*). Если проанализированные в предыдущем параграфе схемы постсоветского институционализма представляют собой адаптацию идей новой институциональной экономической теории (и логически предшествующей ей микроэкономической теории неоклассики), то социологический институционализм Новосибирской школы тяготеет скорее старым институционалистам (Т. Веблен, К. Менгер и др.)⁸, хотя имеет собственные корни. Нынешние концептуальные и теоретические схемы институционального анализа макроуровня - естественное развитие упомянутых выше работ Т.И. Заславской по методологии системного исследования социальных объектов и содержащихся в трудах Т.И. Заславской и Р.В. РЫБКИНОЙ положений о сущности социальных механизмов развития экономики и общества, внутренними, глубинными элементами которых являются институты (*Заславская, Рывкина, 1991*).

Третья особенность институциональных исследований НЭСШ ярко выраженный эволюционный подход. Эволюция в данном случае имеет определенный "телеологический" привкус, как в утверждении о том, что желуди эволюционируют в дубы (*Wallerstain 1995. P. 1*). Это означает, что результат функционирования социальной системы является закономерным, "вписанным" в ее внутренние механизмы по аналогии с тем, как программа биологического развития организма вписана в его генетический код. Такая трактовка эволюции предполагает, что исторические траектории социальных тем до определенной точки вписаны в их структуры. Поэтому изучение макроструктур, составляющих одну из характерных черт НЭСШ, позволяет определять "коридоры" возможной эволюции социально-экономических систем.

Четвертой особенностью социологического институционализма Новосибирской школы является новое видение общества через призму его институционального устройства. Институты выступают не внешними условиями экономической деятельности, как это полагает микроэкономика, в том числе и институциональная, - они образуют самую ее сущность. Экономика рассматривается как система взаимосвязанных хозяйственных институтов, их функционирование есть функционирование

---

8. Традиционный институционализм - течение экономической мысли, которое в большей степени связано с социологическими методами анализа. Традиционный институционализм более ориентирован на использование идей из смежных дисциплин - философии, истории, больше

самой экономики. Впервые эта позиция была обозначена в работах О.Э. Бессоновой, предложившей институциональную теорию *раздатка* как особого типа экономики, с одной стороны, противостоящего, а с другой - системно дополняющего экономику рыночного типа (Бессонова, 1993, 1997, 1999). Идеи этой теории, получившей свое эмпирическое подтверждение в ходе нашей совместной работы по мониторингу преобразований жилищного городского хозяйства в 1992-1996 гг. (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996), послужили для нас отправной точкой для выдвижения собственной макросоциологической гипотезы об институциональных матрицах, определяющих специфику функционирования и эволюции общества как социальной системы. В рамках такой гипотезы выделяются стабильные базовые институты, обеспечивающие сохранение и функционирование социума. С другой стороны, анализируются изменчивые, мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях. Экономика при этом рассматривается в качестве проекции, среза, подсистемы определенного типа общества, а специфика обуславливающих ее развитие институтов определяется характеристиками этого общественного целого. Третья глава специально посвящена изложению основ этой теоретической гипотезы.

Подытоживая, можно сказать, что для отмеченных исследований Новосибирской экономико-социологической школы характерен ряд свойств, которые позволяют зафиксировать наличие системной парадигмы в осмыслении общественных процессов. Свойства системной парадигмы были рассмотрены Я. Корнай (Корнай, 2002. С. 10-12). Отметим наиболее существенные из них, представленные в исследованиях НЭСШ.

1. Общественная система рассматривается как целое, объектом изучения являются взаимосвязи между этим целым и его частями.

2. Исследования носят комплексный характер и не сводятся к какой-либо частной дисциплине (экономике, социологии, политологии). Особое внимание уделяется взаимодействию различных сфер функционирования общества.

3. Внимание исследователей сосредоточено на институтах, которые определяют рамки и динамику конкретных процессов. Институты понимаются достаточно широко, как возникшие исторически и развивающиеся эволюционным путем⁹.

4. Существующая организация общества рассматривается в контексте исторического процесса.

---

9. Корнай специально отмечает сходство между этим свойством системной парадигмы и парадигмой западной "институциональной экономики", отмечая одновременно, что в других аспектах они весьма различны (Корнай, 2002. С. 10).

5. Особое внимание уделяется существенным изменениям и глубоким трансформациям, а не мелким текущим переменам.

6. Дисфункции имплицитны системам, их можно лишь смягчить, но не устранить, поскольку их способность к самовоспроизводству глубоко укоренена в самой системе.

7. Сравнение выступает наиболее типичным методом в системной парадигме. Оно осуществляется в основном на качественном уровне.

Я. Корнаи, выделивший черты системной парадигмы, представил список ученых, наиболее последовательно ее реализовавших - К. Маркса, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, К. Поланьи*, Й. Шумпетера, В. Ойкена. К этому направлению он отнес и свои работы. И он же отметил общее, объединяющее этих разных исследователей - все они изучали два типа экономических систем, по-разному их называя (*Корнаи*, 2002. С. 6-9). Выделение двух типов альтернативных механизмов, которыми могут координироваться экономики - важный элемент системной парадигмы. Для отмеченных работ представителей НЭСШ также характерно внимание к анализу двух типов социальных (хозяйственных) систем, совместное их рассмотрение.

Таким образом, новосибирских социологов, работающих над изучением экономических институтов, объединяет общая "исследовательская программа" (по Лакатосу), в рамках которой разделяются определенные базовые положения и делаются одинаковые дополнительные допущения (*Lakatos*, 1971).

2.3. Резюме

Постсоветский институционализм широко представлен в экономических исследованиях, ведущихся учеными современной России. В нем можно выделить два непропорциональных "крыла". Первое представляет собой адаптацию идей зарубежных неинституциональных теорий. К нему, во-первых, относятся исследования эконом-социологов, использующих категории неинституционализма в социологических исследованиях экономики. Вторую группу образуют экономисты-математики, заимствующие идеи неинституционализма в "корпусе" математических моделей, для которых те СЛУжат идеологическим обоснованием. Третья группа - это своеобразный "кафедральный неинституционализм". Он популяризирует и развивает зарубежные идеи в учебниках и предлагаемых программа исследований. Четвертую группу образуют экономисты, ведущие прикладные исследования. Для них неинституционализм предоставляет категориальный аппарат, с помощью которого могут быть объяснены некоторые новые реалии российской экономики.

---

* В некоторых случаях фамилию этого автора переводят как Полани (от ред.).

Другое крыло, несравнимое с первым по объему, это социологией институционализм Новосибирской экономико-социологической школы. Он опирается на собственную историю и, по сути, более тяготеет к тому, что в западной экономической науке называется традиционным институционализмом.

Для первого крыла институциональных исследований характерно преимущественное внимание к тем процессам, которые связаны с развертыванием в экономике страны рыночных отношений. Социологический институционализм Новосибирской школы представляет собой попытку выявления исторически устойчивых присущих России экономических институтов. Здесь рыночные экономики не рассматриваются как неизбежный и единственно верный путь для всех стран. Стоит задача создания таких исследовательских теорий, в которых могут быть представлены и корректно сопоставлены разные типы экономических отношений, имеющие устойчивый

характер и дополняющие друг друга. При этом тип экономики является одновременно и исходным, и производным для типа общества, в котором эти экономические отношения осуществляются.